

ТОЧНОСТЬ АВТОМАТНОЙ СТРОКИ
УБЕДИТ ЛЮБОГО

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

УЛЬТИМАТУМ КРУПНОГО КАЛИБРА

Александр Александрович Тамоников

Ультиматум крупного калибра

Серия «Спецназ КГБ»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68373167
Ультиматум крупного калибра: Эксмо; М.; 2022
ISBN 978-5-04-176545-3

Аннотация

Роман о напряженной работе специалистов уникального подразделения КГБ. От мозгового штурма при подготовке секретной операции до реальной схватки с коварным противником в любой точке земного шара – путь, который по силам только мужественным и преданным своему делу профессионалам.

1961 год. Вокруг окруженного бетонной стеной Западного Берлина пылают нешуточные политические страсти. На одном из КПП вплотную сошлись советская и американская танковые группировки. В любой момент провокация грозит перерасти в настоящий военный конфликт. Чтобы лишить американцев возможности получить подкрепление, на ближайший аэродром забрасывается группа спецназа КГБ «Дон» капитана Богданова. Ликвидировать охрану и вывести из строя оборудование – дело для бойцов привычное. Но как продержаться в полном окружении

до подхода своих? Богданов понимает, что эти несколько часов будут решающими не только для его группы...

«Романы А. Тамоникова – о настоящих мужчинах, для которых понятия доблести, чести и долга – не пустой звук». – В. Колычев.

Общий тираж книг А. Тамоникова – более 10 миллионов экземпляров.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	30
Глава 4	41
Глава 5	58
Глава 6	71
Конец ознакомительного фрагмента.	78

**Александр Александрович
Тамоников
Ультиматум
крупного калибра**

© Тамоников А.А., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Глава 1

– Похоже, господа союзнички окончательно перестали быть таковыми, – генерал Парамонов встал с кресла и тяжело оперся руками о стол. – Им больше нравится быть нашими врагами, чем союзниками. Я имею в виду американцев.

В кабинете помимо самого генерала Парамонова присутствовали еще несколько высших чинов советского военного командования, а также разведки. Обсуждался очень серьезный вопрос, на который необходимо было найти такой же серьезный ответ. Причем – немедленно. Если промедлить, а тем более принять неправильное решение, последствия могли быть просто катастрофическими – вплоть до новой войны. Новая война никому не была нужна. Шел 1961 год, еще прекрасно помнилась предыдущая война, еще не были ликвидированы ее последствия, еще, образно выражаясь, не утихло эхо ее погибельных раскатов. И вот – на пороге угроза новой войны. На этот раз – с американцами.

Причем никто – ни Советский Союз, ни Соединенные Штаты, не желали этой войны, но она, тем не менее, близилась, будто какая-то невидимая всемогущая сила стояла за обеими сторонами и настойчиво и целеустремленно подталкивала их к смертельной схватке. Которая, и это было вполне понятно, имела бы катастрофические последствия не только для Союза и Штатов, но и для всего мира.

– Так вот, – помолчав, продолжил генерал Парамонов. – Я говорю о Берлинской стене, будь она неладна. – Генерал поморщился и вытер лоб платком. – Все мы знаем, как господа американцы к ней относятся. Она для них будто кость в горле. – Генерал вышел из-за стола и прошелся по кабинету. – Они спят и видят, как бы ее разрушить! Как же! Того и гляди наступит крах мировой демократии, если стена будет стоять в целости и сохранности!

Генерал Парамонов усмехнулся, вернулся к столу, зачем-то переложил с места на место лежащие там бумаги, уселся в кресло и продолжил:

– Оно конечно – перебраться на другую сторону этой чертовой стены желающих хватает. Причем в основном туда, а не оттуда. Считается, что там лучше, чем здесь. И водка дешевле, и пряники слаще... – Генерал Парамонов еще раз оскалился в горькой усмешке. – Может, оно и так, а может, и не так – не нам судить. Это дело политиков. Наше дело – быть на страже и дать отпор неприятелю. Так вот, о неприятеле, то есть об американцах. Все вы знаете, что еще в августе господа американцы вплотную приблизились к стене. Пехота, танки, артиллерия – чего там только нет! Ну, не на прогулку же они вышли – понимать надо! И не на маневры. А чтобы разрушить Берлинскую стену... Разнести ее по камешкам! И расцветет тогда демократия на развалинах стены пышным цветом! Просто деваться будет некуда от всяких демократических свобод и вольностей!

Генерал взял со стола папку и раздраженно шмякнул ею о столешницу.

– Конечно, советское командование отреагировало на такие американские перемещения должным образом. Боевая техника была приведена в повышенную готовность, увольнение личного состава приостановлено... Все мы об этом знаем, и потому приводить подробности нет смысла. Но вот ведь какое дело... Сегодня 28 октября. А вчера господа американцы предприняли новый демарш. Как вы знаете, по периметру стены имеется несколько контрольно-пропускных пунктов. Один из них называется «Чарли». Так вот: вчера к этому самому «Чарли» вплотную приблизилась колонна американской техники. Да притом какая – танки, оснащенные бульдозерным оборудованием! Вы когда-нибудь видали такое диво? А вдобавок к ним – обычные танки. И еще – всякая другая техника: джипы, грузовики... Понятно, что не пустые, а с солдатами.

После таких слов генерала Парамонова присутствующие зашевелились и зашумелись. Для них это было новостью.

– Да-да, товарищи! – мрачно произнес Парамонов. – Танки с бульдозерными ножами, крючьями и прочими приспособлениями... – Генерал неопределенно пошевелил пальцами в воздухе. – А теперь – вопрос: для чего, спрашивается, вся эта орава вплотную подошла к стене? Тут же вам и ответ: а для того, чтобы ее разрушить! Вот так – не больше и не меньше. Понятно, что наше командование тут же предпри-

няло ответные меры – направило к этому контрольно-пропускному пункту наши, советские, танки.

После таких слов генерала Парамонова шевеления и шушуканья усилились.

– Тише, товарищи, тише! – поднял руку генерал. – И вот теперь давайте представим ситуацию. И проанализируем ее. Итак, танки с одной стороны и танки с другой стороны. Стволы их пушек направлены друг на друга. А это означает лишь одно – в любой момент они могут выстрелить. Мы – по ним, они – по нам... А что это означает? – сам себе задал вопрос генерал, и сам же себе ответил: – А означает это вооруженный конфликт. Который, как мы понимаем, в любой момент может превратиться в полноценную войну. Вот что это означает!

В кабинете повисла напряженная тишина.

– А что, американцы еще не начали рушить стену? – спросил кто-то из присутствующих.

– По последним данным – нет, – ответил Парамонов. – Пока ведутся переговоры между нашими и американскими властями. Но кто может знать, как они закончатся? Упрутся господа американцы, не захотят слушать разумных доводов, дадут команду своим бульдозерам, и начнется... Понятно, что мы не позволим им разрушать стену. А как это можно сделать? Только одним способом – стрельбой...

Генерал умолк и устало опустил в кресло. Чувствовалось, что он сказал еще далеко не все, главные его слова бы-

ли впереди. И действительно, переведя дух, генерал продолжил:

– И ладно бы одна небольшая группка бульдозеров и танков! Это было бы еще полбеды! Но наша разведка донесла, что за спиной этих чертовых бульдозеров стоят значительные американские вооруженные силы. И не где-нибудь в отдаленности, а в самом Западном Берлине. Много войск... Все прибывают и прибывают. Вы понимаете, что это значит?

– Каким путем они прибывают в Западный Берлин? – спросил кто-то из присутствующих.

– В основном по воздуху, – ответил генерал Парамонов. – Самолетами... В зоне американской оккупации есть такой аэродром, называется Темпельхоф. Единственный на сегодняшний день, который может принимать военные самолеты. Вот туда они и прибывают. Высаживаются и ждут команды. И, между прочим, это не так далеко от Западного Берлина. Всего один хороший марш-бросок... Понятно, что этого допустить никак нельзя. Чем больше будет прибывать американских войск, тем вероятнее столкновение между ними и нашими войсками. А там и до полноценной войны недалеко.

– Вы говорите, что этот аэродром – единственный вблизи Западного Берлина, который принимает военные самолеты? – прозвучал вопрос.

– Именно так, – подтвердил генерал Парамонов.

– Ну так нужно его блокировать, – сказал тот же самый голос. – Чтобы у американцев не было возможности сажать

свои самолеты. Ситуация – классическая.

– Правильно мыслите, – одобрил генерал. – Именно так – блокировать. Да только вот какая незадача! Блокировать аэродром можно лишь одним способом – послать туда наши боевые самолеты. Но американские самолеты уже на подлете, а наших там еще нет. Нам еще лететь туда и лететь. Вот ведь какое дело!

– И сколько времени необходимо нашим «МИГам» добраться до Темпельхофа?

– Примерно пять, а то и все десять часов, – досадно поморщился генерал. Плюс время на сборы. Добавьте сюда время на согласование с высшим руководством страны. Сколько на это понадобится времени, не знает никто. Даже само высшее руководство. Потому как – политика...

– А американские самолеты все прибывают и прибывают, – безрадостно констатировали сразу несколько голосов.

– Вот именно, – тем же безрадостным голосом подтвердил генерал.

– Так что же делать? – спросили у генерала.

– Уже делаем, – ответил Парамонов. – Действуем. На то мы и спецназ КГБ, чтобы предвидеть события. Несколько дней назад к месту событий была заслана спецгруппа «Дон». Вчера они радировали, что добрались до места и приступили к выполнению задания. Задание у них такое. Во-первых, лишить американцев связи. Нет связи – нет нормального передвижения войск. Во-вторых, захватить аэродром Темпель-

хоф и удерживать его до прибытия наших самолетов. Не позволить, то есть, американским самолетам приземлиться. В-третьих... – Генерал немного помолчал. – В-третьих – незаметно проникнуть в восточную зону. По данным нашей разведки, там действует группа американского спецназа. Ее задача – похитить председателя Государственного совета ГДР Вальтера Ульбрихта. Или убрать его физически, если похищение по какой-то причине не получится...

– Ничего себе! – возмутились собравшиеся.

– Да-да, – подтвердил генерал. – Похитить или ликвидировать. Зачем – понятно. В правительстве ГДР возникнет неразбериха и хаос, да и наша власть крепко призадумается, стараясь определиться, что же делать дальше. В результате инициатива перейдет к противнику. Ну, а где инициатива, там зачастую и победа. Это, товарищи, азы, которые всем нам хорошо известны. Так вот: задача группы – не допустить похищения, а тем более – ликвидации Вальтера Ульбрихта.

– Ничего себе! – повторил тот же самый голос. – Не много ли заданий для одной группы? Ведь их там, я думаю, всего несколько человек!

– Ну, мы ведь – спецназ КГБ! – Генерал Парамонов многозначительно улыбнулся. – Так сказать, воюем не числом, а умением. А кроме того, здесь присутствует еще и политический момент. Действовать группа будет на территории другого государства! Целую армию или хотя бы даже один батальон туда не пошлешь. Значит, нужно действовать тихо

и незаметно. Оттого мы и отправили туда небольшую спецгруппу. Ничего! Ребята там толковые, каждый стоит целого полка! Так что – справятся. Не впервой!

Генерал умолк, опять встал из-за стола и задумчиво прошелся по кабинету. Все присутствующие молчали. Ждали, что дальше будет говорить начальство. Наконец генерал подытожил:

– А собрал я вас вот для чего. Вы – высшее руководство спецназа КГБ. Значит, должны быть в курсе. Это – во-первых. Во-вторых, все мы должны быть готовы к немедленным действиям. Неизвестно, как сложится ситуация. Может завариться каша еще гуще той, которая варится сейчас у Берлинской стены. С канонадами, фейерверками и прочими радостями. А потому – вот мой приказ. Отпуска, выходные и всякие такие походы по театрам – отменяются. Всем находиться на служебных местах денно и нощно в полной боевой готовности. И – ждать дальнейших распоряжений. Прошу довести приказ до всех подчиненных и проконтролировать его исполнение. Всем ясно?

– Так точно! – вразнобой ответили голоса.

– Тогда – по местам! – хлопнул ладонью по столу генерал Парамонов.

Глава 2

За три дня до этого совещания спецгруппу «Дон» подняли по тревоге. Случилось это ранним утром, еще и рассвет не успел войти в свои права. Капитан Вячеслав Богданов, командир группы, находился в это время дома и досматривал утренние сны рядом с супругой.

– Слушаю, – сонным голосом произнес он в телефонную трубку.

– Капитан Богданов? – уточнили на том конце провода.

Голос был настолько четким и официальным, что у Богданова моментально исчезли все остатки сна. Богданов был человеком опытным и знал, что если с ним говорят таким голосом, значит, дело серьезное. Может даже – полноценная боевая тревога. Так оно и оказалось.

– Так точно, – ответил Богданов.

– Приказ генерала Парамонова – через час быть у него! – отчеканил голос в трубке.

– Мне одному или всей группе? – уточнил Богданов.

– Всем, – коротко ответил голос и отключился.

– М-да, – сам себе сказал Богданов, и в этом коротком междометии таилась и попытка сообразить, для чего он, Богданов, понадобился генералу Парамонову в столь ранний час, и готовность действовать, и много чего еще.

Конечно, жена тоже проснулась. В ее взгляде таились:

и бездна вопросов, и обеспокоенность, и готовность немедленно помочь... Не было в нем лишь злости и неудовольствия. За годы совместной жизни она привыкла к таким вот внезапным, вселяющим подспудную тревогу звонкам. Впрочем, иногда это были не звонки, а шаги за дверью, а вслед за ними – четкий, отрывистый, требовательный стук в дверь. Все было... А негодовать и сердиться – к чему? Ее муж был спецназовцем КГБ, такая у него была работа. Как говорится, знала, за кого шла замуж.

– Приказано через час быть у командования, – коротко взглянув на жену, сказал Богданов. – Всем составом.

– Значит, дело серьезное, – сказала жена. – Иначе тебя бы вызвали одного.

– Может, так, а может, и не так, – пожал плечами Богданов. – Просто проверяют боеготовность. Мы ведь – при погонах. Вот вернусь от генерала и все тебе расскажу. То есть, конечно, не все, а то, что полагается знать жене спецназовца, – улыбнулся Богданов.

– Ты бы хоть позавтракал, – жена погладила его по щеке. – А то ведь так и умчишься в дальние дали с пустым желудком.

– Какое там! – замахал руками Богданов. – Слышала же – через час быть у генерала! Значит, времени в обрез.

Он подошел к телефону и набрал номер своего помощника – Александра Дубко.

– Спишь?

– Представь себе – проснулся ровно за минуту до твоего

звонка! – ответил Дубко. – Будто чувствовал, что ты позволишь! Должно быть, интуиция.

– Интуиция – это хорошо, – сказал Богданов. – Для нашего брата штука очень полезная. В общем, так. Наша машина при тебе?

– При мне, – сказал Дубко.

– Тогда седлай ее немедленно и мчись по адресам всех наших. Тебе они известны. Ровно через пятьдесят три минуты всем быть у генерала Парамонова. За мной заезжать не надо, я доберусь своим ходом. Здесь недалеко. Приказ ясен?

– Еще как ясен! – ответил Дубко, не удержался и присвистнул: – Похоже, предстоит командировочка!

– А вот свистеть будем потом, – сказал Богданов. – Когда побываем у генерала. И свистеть, и смеяться, и, может быть, даже рыдать.

– Рыдать – это упаси и помилуй! – сказал Дубко. – Пускай рыдают наши враги! – И трубка умолкла.

* * *

В приемную генерала Богданов прибыл первым. До встречи оставалось еще двенадцать минут. Богданов сел на стул, надвинул на глаза фуражку и принялся ждать своих подчиненных. Вскоре прибыли и они – все шесть человек. Таков был состав спецгруппы «Дон» – семеро вместе с самим Богдановым.

В кабинет к генералу вошли вовремя – минута в минуту.

– Командир спецподразделения «Дон» капитан Богданов! – Командир поднес руку к козырьку.

– Представьте ваших подчиненных, – сказал генерал Парамонов.

– Капитан Дубко, мой заместитель, – отрекомендовал Богданов. – Капитан Павленко. Лейтенант Муромцев – специалист по сигнализации и всему, что связано с электричеством. Старшина Рябов, снайпер. Старший сержант Терко. Сержант Еремин. Специалисты широкого профиля. – Богданов едва заметно улыбнулся.

Генерал подошел к каждому из бойцов и пожал руки.

– Значит, вы и есть спецгруппа «Дон»? – спросил он.

– Так точно! – ответил Богданов.

– Наслышан я о ваших подвигах, – сказал генерал. – Но – видимся впервые. Все вы – люди опытные, обстрелянные, побывавшие в разных переделках...

– Не все, – сказал Богданов. – Есть у нас новичок – лейтенант Муромцев. Зачислен в группу недавно, после окончания училища.

– Вот как, – сказал генерал Парамонов. – Зачислен в группу недавно... Тогда, может быть, обойдемся без него? Что скажешь, командир? – глянул генерал на Богданова.

– Не понял... – удивленно произнес Богданов. – Это почему же без него?

– Потому что задание, которое я хочу вам поручить, очень

серьезное и ответственное, — пояснил генерал. — Просто крайняя степень ответственности и серьезности! А потому нужны люди опытные. Такие, чтобы не подкачали в любой ситуации.

— Я ручаюсь за каждого из моих подчиненных! — отекал Богданов, помолчал и добавил: — Мы — спецназ КГБ. У нас случайных людей не бывает. К тому же лейтенант Муромцев знает несколько иностранных языков.

— Вот как? — удивился генерал и взглянул на Муромцева. — И какие же именно?

— Английский, немецкий, отчасти французский, — ответил Муромцев. — В свободное время изучаю испанский и турецкий.

— Вот! — с гордостью произнес Богданов. — У нас все люди — один к одному. Как патроны в обойме.

— Что ж, хорошо, — сказал генерал. — Именно такие слова я и хотел услышать. Тогда поговорим о вашем задании. Прошу всех садиться, разговор будет долгим. Что такое Берлинская стена, слышали?

— Так точно, — ответил за всех Богданов.

— А какое она имеет политическое значение, знаете? — спросил генерал.

— Знаем, — ответил Богданов.

— Ну, а что творится в последнее время вокруг стены, слышали?

— В общих чертах.

– В общих чертах – это хорошо, – сказал генерал Парамонов. – Значит, политинформацию я вам читать не буду, сразу приступим к частностям. В последнее время ситуация вокруг стены обострилась. Крайне обострилась! – Генерал поднял палец, будто грозя кому-то невидимому. – Наши бывшие союзники американцы очень хотят разрушить стену. Разнести по камешкам и кирпичикам! Причем – немедленно. По их заверениям – во имя спасения свободы и демократии. – Генерал Парамонов усмехнулся, но тут же стал серьезен. – Имеются соответствующие данные нашей разведки...

– Они что же, хотят ее взорвать? – спросил Богданов.

– Думаю, что нет, – сказал генерал. – Взрыв – дело опасное. Могут быть непредсказуемые жертвы, а это – вызовет нежелательный политический резонанс. Вот, начнут говорить, американцы убили безвинных людей... Поэтому, думаю, они поступят иначе. Например, попытаются снести стену бульдозерами. Наша разведка придерживается такого же мнения. Буквально вчера разведчики ознакомили нас с соответствующей информацией...

– Мне кажется, довольно ненадежный способ – разрушить стену бульдозерами, – пожал плечами капитан Павленко. – Кто ж их подпустит к стене, эти бульдозеры? Кто им позволит такое безобразие?

Разговор между генералом Парамоновым и спецгруппой «Дон» происходил в полном соответствии с давними традициями, сложившимися в спецназе КГБ. Во время обсуждения

ния какого-либо задания не было ни начальников, ни подчиненных – все говорили на равных, каждый имел право голоса и мог высказывать любое мнение. Это уже потом, когда все вопросы выяснены, старший по должности отдавал соответствующий приказ, и тут уже не было никакого равноправия. Начальник – приказывал, а подчиненные – обязаны были выполнить приказ.

– Конечно, никто не подпустит, и никто не позволит, – согласился генерал. – Но это – если бульдозеры подойдут к стене без всякой защиты. А вот если они подойдут в сопровождении танков и солдат – тут уж совсем другое дело. Кстати, так они и собираются поступить.

– А что, неплохо придумано, – усмехнулся Павленко. – Попробуй-ка их отгони, если вслед за ними прутся танки!

– Вот именно, – сказал генерал. – В ответ нашим командованием принято решение также направить к Берлинской стене танки. Вот как только к месту приблизятся американские танки, тут же туда выдвинутся и наши. Вы понимаете, что это значит?

– Что уж тут непонятного! – вздохнул Богданов. – Все тут понятно, как дважды два. Они – с той стороны стены, мы – с этой. Они будут ждать, что мы в них выстрелим первыми, мы – что первыми выстрелят они... И не дай бог, у кого-то не выдержат нервы...

– То-то и оно, – вздохнул генерал. – Ведь это же – прелюдия к провокации! За которой последует полноценная вой-

на. На этот раз – с американцами. А мы еще не опомнились как следует от минувшей войны. Да и вообще – не нужна нам война. Нам нужен мир. А вот американцам, похоже, наоборот. Потому что танки – это еще не все. Еще они подтягивают к стене дополнительные силы. Большие силы! Перебрасывают их аж из самой Америки! Ежедневно.

– Это каким же образом? – спросил Дубко. – Америка далековато...

– Если самолетами – то не так она и далеко, – возразил генерал Парамонов. – А они так и делают. Недалеко от Берлина, в зоне американской оккупации, имеется аэродром Темпельхоф. Единственный, который может принимать военные самолеты, в том числе и транспортные – с людьми и техникой на борту. Вот туда американцы и доставляют живую силу и технику. Спрашивается – зачем? А затем, чтобы в любой момент начать боевые действия! Против кого – понятно тоже. Против нас. Вернее сказать, против Германской Демократической Республики, но это все равно что против нас. Вот такой получается расклад сил на данный момент. А завтра может случиться война. Которую мы должны не допустить в любом случае. Затем я вас всех к себе и вызвал.

Генерал умолк, задумчиво прошелся по кабинету, вернулся к столу, переставил с места на место чернильные приборы, опять прошелся по кабинету... Спецгруппа «Дон» молча наблюдала за движениями генерала. Все понимали, что генерал думает, а после размышлений, скорее всего, последует

приказ. Так и вышло.

– А теперь я сообщу вам, для чего именно я вас вызвал. Со всеми подробностями. Вам нужно будет отправиться на место событий. Да-да, к самой Берлинской стене. Причем не с нашей стороны, а с противоположной. Но не только к ней. Ваша миссия будет гораздо шире. Во-первых, проникнуть на аэродром Темпельхоф и сделать все, чтобы он не мог больше принимать американские самолеты. Конечно, американцы, а с ними и западные немцы, попытаются исправить ситуацию. Для них Темпельхоф – важнейший стратегический объект. Куда еще они будут сажать свои самолеты? Некуда им больше сажать... Так вот: американцы с немцами попытаются выбить вас с аэродрома – любыми способами. А вы должны его удержать. Держать и держать, пока над аэродромом не появятся наши истребители. Когда они появятся? Не знаю! Сами понимаете – на это нужно время. Пока пилоты соберутся, пока долетят... А самое главное – на это нужен соответствующий приказ. А такой приказ должен поступить оттуда. – Генерал указал пальцем вверх. – А там торопиться не любят. Пока посовещаются, пока примут решение... А иначе – никак, сами должны понимать. Речь-то идет о возможной войне, и тут ошибиться нельзя. В общем, вы должны нарушить работу аэропорта и удерживать его до прибытия нашей авиации.

– Да, но у американцев и без того хватает сил, – возразил Богданов. – Сами же говорите – они все прибывают и при-

бывают. Допустим, их самолеты не смогут садиться на аэродром, развернутся и улетят обратно. Ну, так американцы могут начать войну и без самолетов. Например, двинуть на нас танки и пехоту... Да и артиллерии, думается, у них хватает. Поступит команда – и начнется...

– Вот! – поднял палец генерал Парамонов. – Мыслите правильно! Как говорится, зрите в самый корень! Могут, конечно, начать и без авиации – если уж так им приспичит. Вы правы, сил у них хватает. Но! Много ли навоюешь без авиации? То-то и оно! Поэтому, если у них не будет самолетов, то и воевать они не рискнут. Но это еще не все... Современная война – это еще и связь. Не будет связи между командованием и войсками – какая уж тут война? А отсюда – следующее задание для вашей группы. Вам нужно будет во что бы то ни стало вывести из строя их связь и системы слежения. Как? Не знаю! Разберетесь на месте, на то вы и спецназ КГБ!

– Это все? – коротко поинтересовался Богданов.

– Если бы! – вздохнул генерал Парамонов. – Самое сладкое блюдо я приберег напоследок...

– Как всегда, – скупно улыбнулся Богданов.

– Что ж поделать, коль так получается, – развел руками генерал. – А блюдо вот какое... Такое имя – Вальтер Ульбрихт – вам что-нибудь говорит?

– Как же, – улыбнулся на этот раз Дубко. – В свободное от дегустации сладких блюд время мы и газеты почитываем! Вальтер Ульбрихт – это глава ГДР. Я не ошибся?

– Не ошиблись, – сказал генерал Парамонов. – Так вот, Вальтер Ульбрихт... Наша разведка в Германии раздобыла очень любопытные сведения... Вроде бы как товарища Ульбрихта в ближайшее время собираются похитить. Или даже – устранить физически. Правда, сведения эти предположительны и неточны, но, согласитесь, мы должны их учитывать. Вы догадываетесь, кто собирается разобраться с товарищем Вальтером Ульбрихтом?

– Догадываемся, – сказал Богданов. – Но похищение или устранение первого лица государства – дело очень даже непростое. Тут надо много чего предусмотреть и очень тщательно подготовиться. Что там говорит разведка? На какой стадии находится подготовка?

– Думаю, что на самой последней, – сказал генерал. – Ну, или в крайнем случае на предпоследней. Есть основания предполагать, что в ГДР уже заброшена группа американского спецназа с соответствующим заданием. Опять же, эти сведения не точны, но других пока нет.

– И, конечно же, ничего нет о составе группы, путях их подхода и отхода, месте, где они намерены прятать похищенного... – задумчиво, как бы самому себе, произнес Богданов.

На это генерал ничего не сказал, лишь развел руками.

– А что, интересная задумка у товарищей американцев! – произнес молчавший до сей поры Терко. – Похитить главу государства! Пока восточные немцы разберутся, что к чему, пока поймут, что глава их государства похищен или ликви-

дирован, а не, допустим, отбыл на рыбалку, тут-то американцы и ударят! Ударят, а главнокомандующего-то и нет! Власть – в смятении, войска – не знают, что делать... Будь я на месте американцев, я поступил бы именно так!

Все присутствующие, в том числе и генерал Парамонов, зашевелились и заулыбались от такой бесхитростной шутки. Богданов спросил:

– Насколько я понимаю, нам предстоит уберечь товарища Вальтера Ульбрихта от похищения или ликвидации?

– Правильно понимаете, – подтвердил генерал.

– Да, но у них есть и свои спецслужбы, – с некоторым недоумением произнес Богданов. – Плюс личная охрана. Неужто они не справятся без нас?

– Есть-то они есть, – почесал затылок генерал. – Да вот только... Наши разведчики предполагают, что в окружение Ульбрихта затесались несколько американских агентов. В правительстве они или в личной охране – про то нам неизвестно. А скорее всего, что и в правительстве, и в охране. И если это в самом деле так, то... – Генерал не договорил, да в этом, собственно, и не было необходимости. Потому что и без лишних слов все было понятно: коль в ближайшем окружении главы Восточной Германии имеются американские агенты, они и поспособствуют похищению. А иначе – для чего они там нужны?

– Но, – недоуменно шевельнулся Павленко, – для чего же в этом случае нам совершать столь сложное путешествие?

Добираться окружными путями до Берлинской стены, чтобы перейти оттуда в восточную часть Берлина... Не понимаю. Не лучше ли отправиться в Восточный Берлин напрямую – через ГДР?

– Не лучше, – возразил генерал Парамонов. – Совсем даже не лучше... Вы забыли, что в окружении Вальтера Ульбрихта, скорее всего, действуют вражеские агенты. А тут вы – прямиком из Москвы! Слышали такое выражение – «шито белыми нитками»? Вот это оно и есть. То есть очень даже не исключено, что вас тотчас же разоблачат. А если так, то американцы будут действовать гораздо утонченнее и коварнее – кто их знает... А то и вовсе убьют товарища Ульбрихта – причем в кратчайшее время. Потому что уж коль вы прибыли выручать его из самой Москвы, то, понятное дело, тут надо поторопиться... Нет, тут нам нужно действовать тайно. А тайно – это перебраться в Восточный Берлин из западной его части. Мало ли кто там шастает – туда и обратно? Ну а дальше – по обстановке. Тем более что других задач никто с вас не снимал. Я понятно изъяснился, или будут возражения?

– Понятно, – сказал за всех Богданов.

– Вот и отлично! – выдохнул генерал Парамонов.

– Как мы попадем на место? – спросил Дубко.

– Самый надежный способ – самолет, – сказал генерал. – Главное, что это быстро. Медлить нам нельзя, сами понимаете. Ситуация такая, что... – Он махнул рукой. – В общем,

непредсказуемая ситуация. Сейчас вы все отправитесь к моему заместителю, полковнику Мостовому. Он подробно введет вас в курс дела. И насчет переброски в Германию, и насчет всего остального. А теперь – приказ.

Все семеро спецназовцев вскочили с места и встали по стойке смирно.

– Приказываю по мере готовности отбыть к месту проведения спецоперации! – четко произнес генерал Парамонов. – Ваша задача была вам разъяснена в ходе предварительного разговора. Приказ ясен?

– Так точно! – ответил за всех капитан Богданов.

– Дополнительные вопросы имеются?

– Никак нет! – ответил Богданов.

– Тогда вот что еще, – совсем уже не приказным тоном произнес генерал. – Никаких четких инструкций ни я, ни полковник Мостовой вам дать не можем. Будете действовать по обстоятельствам. Ну, и самое главное: возвращайтесь живыми и по возможности целыми.

На это ни Богданов, ни остальные спецназовцы не сказали ничего. Да и что тут было говорить? Приказ ясен: действовать по обстоятельствам, по возможности вернуться живыми и целыми. Всё как всегда.

* * *

... – Вот, Лизонька, отбываю, – сказал Богданов жене. –

В небольшую командировочку. Да ты не переживай! Через три-четыре дня вернусь. В крайнем случае, через недельку. В целости и сохранности.

Елизавета ничего не сказала мужу. Слова, которые он произнес, были ей знакомы от первой до последней буквы. Такие слова муж говорил ей всегда перед тем, как отбыть на какое-нибудь задание. Что это было за задание, в каких краях, насколько оно было опасно – ничего этого Елизавета, конечно же, не знала, потому что ни в какие подробности муж ее никогда не посвящал. А просто говорил, что отбывает, и называл сроки возвращения. Конечно, эти сроки никогда не соответствовали, Богданов почти всегда возвращался позднее, чем обещал, но и к этому Елизавета давно уже привыкла. Единственное, к чему она не могла, да и не пыталась, привыкнуть – это к мыслям о том, что когда-нибудь может случиться такое, что ее муж не вернется из очередной своей командировки, навсегда останется в каком-нибудь неведомом ей месте, и попробуй еще доберись до того места, чтобы возложить цветы на холмик! А то, может, и холмика-то никакого не будет, ничего не будет, кроме скупых рассказов тех, кто был с мужем рядом в его последние минуты...

Но – пока Богданов хоть и с опозданиями, но исправно возвращался. Иногда – целый и невредимый, иногда – со ссадинами и царапинами, а то, бывало, и с настоящими ранами. Но, опять же, он ни разу не сказал жене, где, от кого и при каких обстоятельствах он получил эти ссадины, царапины и

раны, и лишь отшучивался в ответ на все расспросы жены: «Вот, мол, ехал я лесом верхом на коне, тут-то меня и царапнуло веткой!» Елизавета лишь грустно улыбалась в ответ и принималась за привычное дело – лечить мужу ссадины, царапины, а бывало, что даже и настоящие раны.

– И когда вы отбываете, товарищ капитан? – спросила она мужа.

– На все про все дан ровно час, – ответил Богданов. – На сборы, прощальные слова и на прочее...

– Как обычно, – грустно подытожила Елизавета.

– А то как же, – согласился Богданов. – Только так, и никак иначе.

Глава 3

Вначале все спецподразделение «Дон» советским военнотранспортным самолетом доставили в Белград. Оттуда все семеро спецназовцев должны были обычным пассажирским самолетом добраться до одного из немногих аэропортов Западной Германии – Тегеля, расположенного во французской оккупационной зоне и принимавшего гражданские самолеты. Вылететь напрямую из Советского Союза в Тегель было рискованно – пассажиры, прибывшие из Советского Союза, проверялись особенно тщательно. А значит, группу «Дон» могли ненароком разоблачить. Чего, конечно, никак нельзя было допустить. Поэтому нужно было постараться избежать даже самого минимального риска. Оттого спецназовцы и прибыли в Белград.

Конечно, они были без оружия и одеты в обычную гражданскую одежду. Все – и другую одежду, и оружие, и снаряжение – они должны были получить на месте, то есть добравшись до Темпельхофа. Таков был план.

Оказавшись в Белграде, Богданов с подчиненными сразу же пошли по известному им адресу. Этот адрес еще в Москве назвал им полковник Мостовой, когда обговаривал нюансы операции в Западной Германии. По этому адресу находилась резидентура советской разведки. Здесь группу «Дон» ждали. Накануне из Москвы пришла зашифрованная радиограмма о

прибытии семерых спецназовцев и распоряжение о том, что группе необходимо оказать всяческое содействие.

Адрес спецназовцы нашли быстро, они прекрасно умели ориентироваться в любом городе, даже совсем для них незнакомом. Это был типичный для белградских окраин двухэтажный особняк, ничем не отличавшийся от сотен других таких же особняков.

Богданов позвонил в старомодный колокольчик, висевший на двери. Вскоре на крыльцо вышел мужчина средних лет, молча окинул взглядом всю группу, а затем с вежливой полуулыбкой взглянул на Богданова.

– Странная погода у вас в Белграде, – сказал Богданов мужчине. – Не понять, то ли осень, то ли весна.

– А вы побывайте у нас зимой! – ответил мужчина. – Вот где неразбериха! Утром – солнце, вечером – снег.

Это были пароль и отзыв. Их Богданову и остальным спецназовцам сообщил полковник Мостовой.

– Проходите, – сказал мужчина, обращаясь ко всем одновременно, и отступил в сторону, давая возможность гостям войти в дверь.

Бойцы очутились в просторной полутемной комнате, напоминающей одновременно и гостиную, и старорежимную, дореволюционных времен, приемную какого-то вельможи. Их встретила молодая светловолосая женщина и молча кивнула им головой. Богданов кивнул в ответ и едва заметно улыбнулся. С женщинами, кем бы они ни были, он не мог

здороваться без улыбки. Такая у него была привычка.

– Можете называть меня Радованом, – произнес мужской голос за спиной спецназовцев. – А ее – Миланой.

– Ну, а мы представляться не будем. – Богданов опять улыбнулся. – Уж извините...

– Я понимаю, – сказал мужчина, помолчал и добавил: – Вчера нам сообщили о вас из центра и велели оказывать вам всяческое содействие. Говорите, что вам надо.

– Не так уж и много, – сказал Богданов. – Во-первых, переместиться из Белграда в Тегель. Это – Германия, зона французской оккупации. Там есть аэродром, который принимает гражданские самолеты...

– Мы знаем, – сказал мужчина, представившийся Радованом.

– Отлично, – сказал Богданов. – И сделать это нужно как можно скорее.

– Переправить нужно вас всех? – спросил Радован.

– Да, – ответил Богданов.

– Понятно. Документы прикрытия у вас имеются?

– В Москве нам сказали, что этим займетесь вы, – ответил Богданов.

– Да, мы получили такое распоряжение, – сказал Радован. – Остается придумать легенду и в соответствии с легендой изготовить документы.

– Тогда давайте думать, – сказал Богданов.

– Это – к ней. – Радован указал на женщину.

– Ну, к ней так к ней, – развел руками Богданов и посмотрел на женщину: – Вы говорили, что вас зовут Милана?

– Да, – коротко ответила женщина.

– Тогда, Миланочка, изобретайте нам легенду. И чем скорее, тем лучше. Мы, видите ли, очень торопимся. Кстати, сколько времени займет изготовление документов?

– К вечеру будут готовы, – сказала женщина.

– Что, на всех семерых? – не поверил Дубко.

– Именно так.

– Превосходно, – сказал Богданов. – Тогда – вернемся к легенде.

– Легенда такова, – сказала Милана. – Вы все – югославы. Сербы. Вы летите в Германию на заработки. Сейчас многие югославы стремятся попасть в Западную Германию, чтобы заработать. Так что ваше появление там никого особо не интересует...

– А что же, в Югославии для всех не хватает работы? – поинтересовался Терко.

– Хватает, – ответила Милана. – Но в Западной Германии платят больше.

– Это почему же так? – удивился Терко.

– Об этом можете спросить у политиков. Если, конечно, представится такой случай. – Женщина чуть заметно улыбнулась. – А мы – не политики...

– Обязательно спрошу! – самым решительным тоном пообещал Терко. – И непременно сообщу вам их ответ. Чтобы

и вы тоже знали!

– Договорились. – Милана улыбнулась чуть заметнее и взглянула на Богданова. – А теперь нам нужно придумать для каждого из вас сербские имена и фамилии. И, разумеется, закрепить их запомнить.

– Но только, пожалуйста, что-нибудь попроще! – сказал Терко. – А то ведь не запомню! Конфуз получится. Нежелательные последствия. Например, как в прошлый раз. Назвали меня таким имечком, что не выговорить! Ахмед Сулейман Ибрагим-бек ибн... Ты не помнишь, как было дальше? – Он повернулся к молчаливо сидевшему на стуле Дмитрию Еремину. – Вот и я не помню! Хорошо, что никто тогда не спросил, как меня зовут! А если бы спросили? Так что, барышня, вы там поаккуратней...

После таких слов все присутствующие, включая Радована и Милану, зашевелились, заулыбались и вообще почувствовали себя свободнее.

– Обязательно учту ваше пожелание и дам вам самое простое имя, – пообещала Милана. – Скажем, Вук Илич вас устроит?

– Ну, это совсем другое дело! – радостным голосом ответил Терко. – Это я запомню! А то Ахмед Ибрагим Сулейман ибн... Я – человек бесхитростный, мне что-нибудь попроще...

– Почему именно сербы? – спросил Богданов, когда всеобщее веселье утихло.

– Сербский язык отчасти похож на русский, – пояснила Милана. – Те, кто не знает ни сербского, ни русского языка, так вот запросто их и не отличат. Так что, попав в Германию, вы сможете общаться на русском языке. Лучше все же – короткими фразами. На всякий случай. А то вдруг рядом с вами окажется какой-нибудь полиглот!

– Вполне разумно, – одобрил Павленко.

– Теперь вот что еще, – вступил в разговор Радован. – Одежда-то на всех вас – явно советского производства и покроя...

– И что же? – недоуменно посмотрел на Радована Богданов.

– Откуда все семеро югославы взяли советскую одежду? И почему именно советскую? Ладно бы кто-то один, а то вся компания! Как-то подозрительно...

– А ведь и вправду! – хлопнул себя по лбу Богданов. – Вот что бывает, когда собираешься в спешке! Обязательно чего-нибудь не учтешь! Благодарю за то, что обратили внимание. Но как же быть?

– Переодеться в костюмы югославских пролетариев и крестьян, – пожал плечами Радован. – Только и всего.

– Да, но...

– На втором этаже у нас имеется небольшая костюмерная, – сказал Радован. – Ступайте за мной. Там вы можете подобрать себе что-нибудь подходящее.

– А вы здесь, оказывается, предусмотрительные! – одоб-

рительно произнес Дубко.

– Думаю, что не более, чем вы, – сухо произнес Радован. – Итак, переодевайтесь и спускайтесь вниз. Милана вас сфотографирует. Фото нужны для документов.

Через полчаса все семеро спецназовцев, одетые в одежду югославских пролетариев и крестьян, спустились на первый этаж. Новая одежда удивительно их преобразила. Теперь, даже пристально всмотревшись, никто бы не отличил их от типичных горожан и селян, вынужденных искать заработок на чужбине. Впрочем, дело было не только в одежде, но большей частью – в самих бойцах. Все они были профессионалы своего дела и потому умели преображаться, менять внешний вид, выражение лиц и даже выражение глаз, по-новому ходить и жестикулировать – в общем, превращаться в других людей, почти никак не похожих на себя самих. И Радован, и Милана, конечно же, обратили внимание на смену облика всей семерки и одобрительно переглянулись между собой.

– Ну а теперь Милана вас сфотографирует и на какое-то время отлучится, – сказал Радован. – И к вечеру вернется с готовыми документами. Вам придется подождать ее здесь. Думаю, не в ваших интересах разгуливать по улицам Белграда. Даже в преображенном виде.

– Вы правы, – согласился Богданов.

– Тогда – прошу пройти вот туда. – Радован указал на одну из боковых комнат. – Там у нас что-то вроде комнаты отдыха. К вашим услугам – бар с местными горячительными

напитками. Правда, выбор не такой большой, но, как говорится, чем богаты.

– О нет! – замахал руками Богданов и рассмеялся: – Такие удовольствия – не для нас!

– Ну, как вам будет угодно, – согласился Радован.

Ближе к вечеру вернулась Милана.

– Вот ваши документы, – сказала она, доставая из сумочки бумаги. – Прошу. Советую накрепко запомнить ваши новые имена.

Гости разобрали документы и с любопытством принялись вчитываться в свои новые имена.

– Вук Илич, – сказал Степан Терко. – Как и было обещано. О-хо-хо!.. Сколько их у меня было – всяких разных имен! Вот состарюсь, напишу интересную книжку под названием «Сколько у меня было имен и зачем мне они были нужны». Как ты думаешь, – обратился он к Еремину, – будут люди читать мою книжку?

– Ты сначала доживи до старости, – сказал Еремин.

– Что да, то да, – согласился Терко. – При моей специальности это вопрос проблематичный. Ох, и вредная у меня работа! До полной ужасности!

– Вот – ваши билеты на самолет, – подождав, пока утихнет смех, сказал Радован Богданову. Самолет в Тегель вылетает через три с половиной часа. Добираться до белградского аэродрома – примерно полтора часа. Это – если своим ходом. Конечно, мы могли бы вас подбросить на машине...

– На машине – не надо! – замахал руками Богданов. – Что это за безработные, которые разъезжают на машине? Ведь, наверно, дорого?

– Дорого, – подтвердил Радован.

– Ну, вот... А своим ходом – это как? Пешком?

– Необязательно, – сказал Радован. – Наймите повозку с лошастью. Их в городе хватает. Это намного дешевле.

– Лошадь – это то, что надо, – улыбнулся Павленко. – Самый подходящий транспорт для безработных пролетариев и крестьян.

– Ну, тогда в путь! – сказал Богданов.

Шестеро спецназовцев тотчас же поднялись с мест. Их веселой развязности и вальяжности как не бывало. Сейчас это были люди, отправлявшиеся выполнять опасное и рискованное дело. Все они были уверены, что выполнят задание – каким бы опасным оно ни было. Выполнят – даже если оно будет последним в их жизни.

– Удачи вам, – сказал Радован.

– Счастливо, – добавила Милана.

– Спасибо, – ответил за всех Богданов.

Семеро мужчин молча повернулись и друг за другом направились к выходу. Последним шел Степан Терко. У самого выхода он вдруг остановился и посмотрел на Милану. На его лице вновь засветилась озорная улыбка.

– Как говорится, вопрос у порога, – сказал он. – Вы замужем?

– Зачем вам это знать? – с некоторым замешательством произнесла Милана. Она явно не ожидала такого вопроса. Тем более – на прощание.

– Значит, не замужем, – все так же весело сказал Терко. – И это замечательно. Вот сделаю дело и обязательно вернусь к вам. И тогда мы поговорим с вами на эту тему подробнее. – Он помолчал и добавил: – Я бы, конечно, поговорил и сейчас, потому что уж больно вы мне понравились! Прямо-таки легли на мое суровое истерзанное сердце! Но сейчас мне, как видите, некогда. Надо идти, потом ехать на лошади, потом лететь на самолете... А вот когда я вернусь... Вы, главное, меня ждите. А тебе, мил-человек, будет на этот счет особое поручение. А именно – следи, чтобы она тут не разбаловалась до моего возвращения. Ты меня понял? Вернусь – спрошу с тебя по всей строгости!

– Смотри не обмани, – улыбаясь, сказала Милана.

– Как можно! – с напускным негодованием произнес Терко. – Я – человек серьезный и ответственный. И притом – красивый парень. Даже – в этой селянской кацавейке. Так что ты жди. И помолись за красивого парня Вука Илича. Чтобы, значит, я непременно вернулся. А то ведь так и останешься незамужней!

С тем Степан и шагнул за порог. В городе уже стемнело, тут и там зажглись редкие фонари. Пока Терко говорил Милане прощальные речи, кто-то из его товарищей уже успел остановить среди белградских вечерних улиц повозку, за-

пряженную двумя лошадьми. Дядька-извозчик неподвижно сидел на козлах и ждал дальнейших распоряжений.

– Где тебя носит? – возмутился Богданов. – О порог за-
пнулся, что ли?

– Скорее, о Милану, – хохотнул кто-то из бойцов.

– Садись в карету, поехали! – скомандовал Богданов.

Глава 4

До Тегеля спецгруппа «Дон» добралась без всяких происшествий. Да и в самом Тегеле при высадке из самолета никаких приключений не случилось. Документы были в порядке, внешний вид и поведение их обладателей также не вызывали подозрений. Семеро спецназовцев ничем не отличались от других таких же горемык, на последние гроши прибывших в Западную Германию, надеясь найти здесь работу и заработать денег.

Теперь из Тегеля им нужно было добраться до Темпельхофа. Именно этот городок, а вернее, расположенный близ него военный аэродром, являлся конечным пунктом их путешествия. А уж там... Впрочем, по поводу этого самого «там» они сейчас почти не думали. Они действовали по принципу «приедем – разберемся». И это был правильный принцип, это был профессиональный принцип. Не следует спецназовцу ломать голову над тем, что будет «там». Потому что «там» могло быть все что угодно, и угадать, что именно тебя ожидает, было почти невозможно. А коль так, то и незачем ломать себе голову в бесплодных фантазиях. Все равно эти фантазии почти никак не будут походить на реальность. Реальная жизнь – она всегда богаче и непредсказуемее, чем самая богатая, самая утонченная фантазия. Ты думаешь «так», а на самом деле выходит «этак».

До Темпельхофа они добрались на поезде, смешавшись с толпой других искателей жар-птицы в чужих краях. А может, даже не самой жар-птицы, а лишь одного ее перышка. Или даже и не перышка, а слабого отблеска этого перышка, которое неуловимая жар-птица, пролетая, уронила, и кто-то, более счастливый и удачливый, успел его подобрать, но еще остался от манящего перышка слабый, неверный отблеск.

Судя по одежде, внешнему виду и языку, искателями этого самого перышка были люди из разных стран, некоторые – так и вовсе издалека, скорее всего, из самой Африки или, может, такой же далекой Азии. Ну, а что? Война давно закончилась, и каждый имел право и гипотетическую возможность пуститься вслед за вышеупомянутой мифической жар-птицей. Лишь бы у тебя были в порядке документы, а там – поступай как знаешь. Кати хоть в Темпельхоф, хоть до самого Берлина. Везде для тебя найдется работа в полуразрушенной, не успевшей еще восстановиться после войны Германии. Лучше, конечно, если это будет Западная Германия – здесь, говорят, платили больше.

Смешаться с народом – для спецгруппы «Дон» это был наилучший вариант. Кто тебя увидит в толпе, кто обратит на тебя внимание? Особенно если ты – такой же, как и все. Такая же у тебя одежда, такая же физиономия, такое же поведение – пристально-настороженное, такой же взгляд, такая же щетина на лице... Смешаться с толпой – самая лучшая маскировка. Это – наипервейшие азы любого разведчика и

любого спецназовца.

Впрочем, все это была теория, а практика – на то она и практика, чтобы противоречить теории. Когда все семеро ступили на перрон вокзала в Темпельхофе, к ним неожиданно подошли четверо вооруженных людей. Судя по форме, это были американцы – скорее всего, обычный военный патруль.

Почему они подошли именно к Богданову и его подчиненным, а не к кому-то другому? Да кто же его знает, почему? Возможно, группа из семерых крепких мужчин их чем-то насторожила. Или, может, патрульные вспомнили о своих прямых обязанностях – выявлять на вокзале лиц, которые покажутся им подозрительными. В общем, это было неважно. Важно было именно то, что солдаты, держа оружие на изготовку, быстрым шагом приблизились к спецназовцам.

Один из них, должно быть старший, сделал повелительный жест – остановитесь, мол, и замрите. Наши остановились и как бы непроизвольно выстроились в боевой порядок – чтобы в случае чего можно было оказать сопротивление патрулю: напасть на солдат, разоружить их и вместе с тем защитить друг друга. То, что они легко справятся с четырьмя патрульными, – у самих спецназовцев не вызывало никакого сомнения. Семеро тренированных людей против четверых ничего не ожидающих солдат – это просто смешная арифметика. «Детская арифметика» – как любил выражаться в таких случаях Степан Терко. И что с того, что солдаты были

вооружены, а спецназовцы – безоружные? Оружием еще надо успеть воспользоваться. А патрульные – не успели бы... У спецназовцев в таких делах был огромный опыт. Сколько таких вот случаев у них было в их нелегкой службе? Не перечесть. Ну, добавится к тем случаям еще один – только и всего. Эти четверо юнцов, стоящих напротив и лениво перекатывающих во рту неизменную жевательную резинку, – они никак не могли быть серьезными противниками для семерых сотрудников спецназа. Действительно – детская арифметика.

Другое дело, что такое приключение для спецгруппы «Дон» было крайне нежелательным. Ну, скрутят они этих четверых юнцов, ну, испортят им оружие, чтобы они не могли стрелять, – а дальше-то что? А дальше – начнутся всяческие неприятности. Рано или поздно поднимется тревога, шум, гам, американцы вместе с немецкими солдатами и полицейскими утратят бдительность, начнут проверять всех и каждого, перекроют все пути-дороги, может, придумают что-нибудь еще... А все это вместе затруднит спецназовцам выполнение их задачи. Значит, нужно постараться всеми силами избежать каких бы то ни было недоразумений с так некстати подвернувшимся американским патрулем.

Тем временем старший патруля сделал характерный жест, будто листает документ, и требовательно протянул руку. Жест не подразумевал никакого перевода и никаких дополнительных пояснений. Неторопливо и неловко, как и подоба-

ет растерянным селянам, наши полезли во внутренние карманы за документами. Первым документ протянул Богданов. Он, да и все остальные, надеялись, что этого вполне хватит. Полистает, дескать, патрульный документ и вернет его обратно. Ну а как может быть иначе? Какие такие подозрения может вызвать группа испуганных селян-сербов? Вон сколько их снует по перрону – и тех, кто прибыл из Югославии, и тех, кто приехал из иных краев и стран...

Но отчего-то старшего патруля не устроил один-единственный документ. Он небрежно его пролистал, сунул в карман и опять сделал тот же самый жест, но уже для всех остальных – мол, и вы предъявите, что у вас есть. Делать было нечего – все по очереди стали отдавать старшему патруля свои документы. Он их даже не посмотрел, а сунул все разом в карман и опять сделал понятный жест рукой, означавший, что всем семерым необходимо следовать за ним.

Куда, зачем? Полиглот Павленко, успевший за время краткого пребывания в Белграде выучить несколько самых ходовых фраз на сербском языке, попытался затеять разговор со старшим патруля. Но тот лишь нетерпеливо и раздраженно махнул рукой, показывая, что ни в какие разговоры он вступать не намерен и никаких объяснений давать не желает.

И это было скверно. Это было так плохо, что не сказать как. У спецгруппы «Дон» не было лишнего времени, чтобы идти неизвестно куда и непонятно зачем в сопровождении американского патруля. Им нужно было выполнять за-

дание — время поджигало. Оставалось лишь одно — избавиться от четверых американских солдат. Сделать это было проще простого, но вместе с тем прямо посреди перрона этого делать было нельзя. Нужно было выбрать удобное место, а уж там...

Старший патруля опять сделал знак рукой, и все пошли. Сам старший еще с одним солдатом шел впереди, еще двое солдат — сзади, а посередине гурьбой тяжелым крестьянским шагом шествовали семеро русских.

Они прошли по перрону, затем свернули за угол огромного здания вокзала. Впереди, шагах в пятидесяти, виднелось широкое пространство — должно быть, привокзальная площадь. Но чтобы до нее дойти, нужно было миновать какие-то развалины, вернее, даже не развалины, а нагромождение всяческого строительного мусора: битого кирпича, обломков досок, искореженного железа... Может быть, весь этот сор оставался еще со времен войны, возможно, власти затеяли ремонт или расчищали площадку под новое строительство...

Все это было неважно, важно было другое. Эти безлюдные короткие метры были идеальным местом, чтобы избавиться от вооруженного патруля.

Все дальнейшее произошло мгновенно. Богданов коротко свистнул и тотчас же бросился на старшего патруля. На второго патрульного бросился Павленко. С двумя солдатами, которые шли сзади, вступили в схватку Дубко и Еремин.

Спустя какие-то мгновения все четверо патрульных были обезврежены. Разумеется, никто их не убивал, в этом не было необходимости. А просто – мастерскими короткими ударами в нужные места солдаты были лишены сознания. После таких ударов прийти в себя они должны были не раньше чем через два часа. Этого было вполне достаточно, чтобы спецназовцы могли добраться до нужного им места в городе и приступить к непосредственному выполнению задания.

– Ну вот, как всегда! – негромко произнес Терко. – Всю работу выполнили другие! А мне не дали даже размяться! Полное безобразие!

– Найдется работа и для тебя! – коротко ответил Богданов. – Ну-ка, подняли!

Они перетаскивали неподвижных солдат за кучи строительного мусора, выдернули из их брюк ремни, связали им руки, в считанные минуты вывели из строя оружие. Мстительный Терко взял все четыре автомата и зашвырнул их подальше в кучи битого кирпича.

– Оружие хоть и испорченное, но так будет надежнее! – проворчал он. – Пусть поищут, когда очнутся. А то ишь что удумали – арестовывать мирных югославских пахарей! Проклятые прислужники капиталистов!

Богданов наклонился над старшим патруля и вытащил у него из кармана реквизированные документы.

– Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, – сосчитал он. – Все на месте. А теперь – вперед. И чем быстрее, тем лучше.

А то вдруг этих юношей бледных со взором потухшим хватятся!

* * *

Когда они прибыли в город, уже изрядно стемнело. Здесь, в Темпельхофе, спецназовцам нужно было разыскать один адрес, где их также должны были ждать. Адрес нашли быстро – помог профессиональный навык ориентироваться в городе, даже совсем незнакомом. Объект представлял собой расположенное на самой городской окраине длинное приземистое мрачное здание – то ли склад, то ли какой-то цех. Здание было огорожено высоким забором из металлических прутьев с небольшой, едва различимой калиткой. По ту сторону калитки на столбе светился тусклый электрический фонарь.

– Уж не ошиблись ли там, в Москве, когда называли нам этот адрес? – полушепотом произнес Дубко. – Какой-то сарай, а не представительство советской разведки...

– Ну, так ведь нам и полковник Мостовой в Москве говорил, что это будет мастерская, – таким же полушепотом отозвался Богданов. – Так что вроде все сходится...

Он подошел к калитке и попытался ее отворить, но калитка не поддавалась. Должно быть, она была заперта изнутри, так как снаружи никакого замка или засова видно не было.

– Эй! – крикнул Богданов. – Алло!

Он нарочно произнес именно такие слова, а не какие-нибудь другие. В этом таился тонкий профессиональный умысел. Слова «эй» и «алло» звучат примерно одинаково на любом языке, и поди разбери, кто их произносит – серб, русский, немец или еще кто. И если бы оказалось, что в Москве с адресом что-то напутали, и на зов выбежала бы какая-то свирепая охрана – полицейские, солдаты или еще кто-нибудь, – легко можно было бы приподнять шляпу в знак извинения – мол, ошиблись, и спокойно уйти. Но, однако же никакая свирепая охрана не появилась, а появился мужчина с палкой в правой руке. Он переложил палку из правой руки в левую, затем – обратно из левой в правую, подержал палку на весу, будто определяя, насколько она тяжелая, опять взял ее в правую руку и только после этого спросил на немецком языке:

– Wer Sie? Was Sie brauchen? Das ist Reparaturabteilung.

И эти слова, означавшие в переводе «Кто вы? Что вам надо? Это ремонтный цех», и все манипуляции с палкой были именно то, что нужно. Это означало, что группа попала именно туда, куда нужно. Предстояло обменяться лишь паролем с отзывом.

– Холодно здесь у вас. Октябрь, а уже пахнет зимой, – сказал Богданов на русском языке.

– Когда дует ветер с востока, тогда теплее, – так же, на русском, ответил мужчина.

Это были пароль и отзыв.

– Проходите, – сказал мужчина.

Он пропустил в калитку семерых гостей, сам вошел последним и запер калитку на замок.

– Сюда, – указал мужчина.

Он провел их по темному коридору, и вскоре они очутились в большом продолговатом помещении, и впрямь напминавшем ремонтный цех. Здесь стояли несколько станков, валялись какие-то железки и даже несколько полуразобранных моторов.

Навстречу вошедшим поднялись два молодых человека в рабочих спецовках.

– Ганс и Пауль, – коротко отрекомендовал их мужчина. – А я – Иоганн.

– Ну, а мы – граждане Югославии, – отрекомендовался в ответ Богданов. – Сербь. Прибыли в Западную Германию на заработки.

– Понятно, – сказал Иоганн. – Как добрались?

– Без приключений, – коротко ответил Богданов.

– Прекрасно, – сказал Иоганн, а Ганс и Пауль лишь молча кивнули. – Чем мы можем помочь?

– Для начала доложите обстановку, – сказал Богданов. – Во всех подробностях и со всеми нюансами.

– Хорошо, – кивнул Иоганн. Какое-то время он молчал, собираясь с мыслями, затем спросил: – Что вас интересует в первую очередь?

– Обстановка у Берлинской стены, – ответил Богданов. –

В общем и целом, мы, конечно же, в курсе, но пока мы добирались сюда, многое могло поменяться.

– Да, вы правы, – сказал Иоганн. – Как раз многое и поменялось. Сам принцип, впрочем, остался тот же, но вот нюансы...

– Вот о них и расскажите.

– Мы, насколько можем, очень внимательно следим за ситуацией, – сказал Иоганн. – И вот вам самые последние сведения. О них вам расскажет Пауль.

– Значит, так, – откашлявшись, начал Пауль. – Вы, вероятно, знаете, что американцы задумали разрушить стену?

– Да, конечно, – кивнул Богданов.

– Так вот, – сказал Пауль. – Сегодня они от намерений перешли к действиям – выдвинули в район стены, а именно к контрольно-пропускному пункту «Чарли», специальную технику.

– Бульдозеры? – поинтересовался Дубко.

– Если бы! Танки, переоборудованные под бульдозеры. То есть это одновременно и танк, и бульдозер.

– Вот ведь заразы! – не удержался Терко. – Что удумали!

– В том-то и дело, – согласился Пауль. – Удумали они, как вы выражаетесь, по-своему остроумную штуку. Попробуй-ка отогнать такой агрегат от стены просто так! Но ведь и это еще не все...

– Бульдозеры в сопровождении танков! – догадался Богданов.

– Именно так, – кивнул Пауль. – А вслед за ними – джипы и грузовики с солдатами! Вся эта армада приблизилась к стене вплотную. Разрушать пока ничего не разрушают. Скорее всего, потому, что...

– ...с другой стороны стены им навстречу выдвинулись советские танки, – подхватил Богданов.

– Да, – кивнул Пауль. – И советские, и танки вооруженных сил Восточной Германии. Образовался своего рода паритет. А при таком раскладе американцы стену сносить не станут. Вот если у них будет численное преимущество, тогда, скорее всего, начнется. Они любят воевать, когда их больше. Тогда они – храбрые...

– И много накопилось сил с той и с другой стороны? – спросил Павленко.

– Вполне достаточно, чтобы начать войну, – грустно усмехнулся Пауль.

– Так-так... – в задумчивости проговорил Богданов. – И когда, по-вашему, американцы рассчитывают получить численное преимущество?

– Ганс, – обернулся Пауль, – это уже по твоей части.

– В настоящее время американцы ожидают серьезное подкрепление, – сказал Ганс. – Должна прибыть военная техника, живая сила – в общем, все, что нужно.

– Воздухом? Через Темпельхоф? – спросил Богданов.

– Именно так, – согласился Ганс.

– Когда ожидается прибытие первых самолетов? – спро-

сил Богданов.

– Точного времени мы не знаем, – ответил Ганс. – Но, по логике вещей, в самое ближайшее время.

– Что ж... – сказал Богданов. Было заметно, что он пребывает в некоторой задумчивости. – Будем считать, что этот вопрос мы разъяснили. А теперь – вопрос номер два. В Москве сказали, что вы нам поможете с оружием и экипировкой. Сюда мы прибыли налегке и, как видите, в фольклорном образе.

– Прошу следовать за мной, – сказал Иоганн. – Оружие и экипировка – это по моей части.

Он опять провел гостей по длинному полутемному коридору, затем они спустились по лестнице куда-то вниз и очутились в совершенно темном помещении.

– Сейчас я включу свет, – прозвучал из темноты голос Иоганна, и тут же в помещении стало так светло, что все невольно зажмурились.

Помещение представляло собой продолговатый подвал без окон. Вдоль его стен стояли ящики, коробки и стеллажи с задернутыми плотными шторами.

– Выбирайте, – сказал Иоганн. – Справа – оружие, слева – экипировка. Думаю, здесь найдется все, что вам нужно. Когда переоденетесь, свои фольклорные наряды оставьте здесь. Возможно, кому-то они еще пригодятся. Мы – народ бережливый. Я на время отлучусь, а затем вернусь.

В первую очередь спецназовцы подошли, конечно же, к стеллажам и ящикам с оружием. И почти одновременно при-

свистнули от удивления. Какого только оружия здесь не было! И советское, и немецкое, и американское, и какое-то вообще диковинное, которого бойцы, несмотря на свой опыт, даже ни разу не видели! Разных калибров и разной конфигурации! Были образцы с огромными стволами и массивными прикладами, а были и такие, которые легко можно спрятать под одеждой. Разумеется, тут же лежали ящики с патронами, гранатами и минами.

На соседних стеллажах обнаружились ножи разной формы и конструкции, а еще – много каких-то приспособлений и механизмов и вообще непонятного назначения.

– Ты у нас специалист по всяким мудреным устройствам, – Богданов глянул на Муромцева. – Ну-ка, скажи, что это за механизация?

– Один момент, – отозвался Муромцев. – Значит, так... Вот это – совсем простые устройства. С их помощью можно лишить электричества любой объект. Не надо взбираться на столбы, резать провода. Нажал вот на эту кнопку, и полетели все пробки и предохранители. А вот эта штучка... Походите минутку, дайте сообразить... Ага! Думаю, с ее помощью можно нарушить связь между абонентами, а заодно – вывести из строя системы слежения за объектами. Интересные вещицы... Никогда ранее не доводилось видеть такие. Американского производства. Ноу-хау, как говорится. Изучать я их изучал, но в руках держу впервые. Очень любопытные штучки.

– Если понадобится – справишься с ними? – спросил Богданов.

– Теоретически – да, – сказал Муромцев. – Но на практике я никогда с ними не сталкивался.

– Вот и будет у тебя возможность попрактиковаться, – сказал Богданов. – В дальнейшем, думаю, это тебе очень даже пригодится. Технический прогресс на месте не стоит, а работа у нас будет всегда.

Перешли к другим ящикам и стеллажам, где хранилось обмундирование и прочая экипировка.

– Ты глянь! – удивился Терко. – Даже бронежилеты! Слушайте, братцы! А может, всем нам облачиться в эти штукотины? Хоть какая-то защита...

– И будешь ты в этой броне как средневековый рыцарь, – не согласился Павленко. – Ни тебе встать, ни лечь, ни совершить маневр. Не говоря уже о рукопашной схватке.

– Да еще неизвестно, защитят ли они тебя от пули, – добавил снайпер Геннадий Рябов. – Ручаюсь, что я продырявлю эту штукотину с первого же выстрела! В любом месте!

– Слыхал? – Павленко с усмешкой глянул на Терко. – Так что оставь напрасные и бесполезные мечты. А бери то, что в самом деле может пригодиться. Целее будешь.

– Матушки родимые! – не мог никак успокоиться Терко. – Вот – даже сигареты! И все сплошь – американские. Ты когда-нибудь курил американские сигареты? – спросил Терко Еремина. – Интересуюсь, как человек некурящий.

– Приходилось, – скривился Еремин.

– Ну и как?

– А, – махнул рукой Еремин. – На мой вкус наша махорка куда как лучше. Крепче, да и привычнее.

– Ну, это потому, что ты – человек некультурный, – не согласился Терко. – А вот если бы ты набрался культуры...

– Значит, так, уважаемые товарищи югославские сталевары, земледельцы и прочие скотоводы! – вмешался Богданов. – Прекращаем споры! Переодеваемся, экипируемся. И поскорее! Время не ждет.

Все засуетились, стали снимать с себя югославское одеяние и переодеваться в универсальную, защитного цвета экипировку без знаков различия.

– Ну, вот, – сказал Богданов, окидывая переодевшихся бойцов критическим взглядом. – И кто теперь разберет – кто мы такие, откуда и зачем. То ли американцы, то ли немцы, то ли еще кто... Что нам и нужно. А теперь – вооружаемся и экипируемся. Но – исключительно американским оружием. Любое другое оружие нас демаскирует. Здесь, в Западной Германии, все ходят с американским оружием.

Загремело железо, защелкали затворы. Каждый выбирал для себя оружие и снаряжение по собственному разумению. Здесь в ход вступил простой, но вместе с тем важнейший принцип бойца-спецназовца – оружие и экипировка должны быть надежными и удобными. Экипировка должна защищать, а оружие – безотказно стрелять. От этого зависела

жизнь бойца. А от того, будет ли он жив, зависел успех порученного дела.

Скоро группа была полностью экипирована. В помещение вошел отлучавшийся на время Иоганн и молча уставился на переодевавшихся спецназовцев.

– Ну и как впечатление? – веселым и ехидным тоном поинтересовался неугомонный Терко.

– Вполне, – кивнул Иоганн и глянул на Богданова: – Прошу наверх. Мы приготовили для вас скромный обед. Думаю, это вам не помешает.

– Не помешает, – согласился Богданов. – Даже – наоборот. Мы уже и не помним, когда нормально обедали.

– Тем более, – сказал Иоганн и повторил: – Прошу.

– Благодарим, – сказал Богданов. – Но у нас остались невыясненными еще несколько вопросов...

– По местным правилам, после обеда полагается получасовой отдых, – сказал Иоганн. – Тогда и поговорим.

– Ну, ты глянь! – искренне удивился Терко. – Вы тут прямо как настоящие немцы!

– Такова работа, – скупно улыбнулся Иоганн. – Приходится соответствовать.

Глава 5

– Вы хотели задать нам какой-то вопрос, – напомнил Иоганн, когда ночной обед закончился.

– Хотел, – ответил Богданов. – И даже не один.

– Тогда мы вас слушаем, – сказал Иоганн.

– Вопрос первый, – начал Богданов. – Нам нужно знать все о расположении американских войск в Темпельхофе. Где находятся их казармы, далеко ли это от аэродрома, какова охрана. Можете вы что-то сказать об этом?

– Да, – подумав, ответил Иоганн. – Большая часть военных располагается компактно, в одном месте. Называется это место очень романтично и поэтически – «Блаублюмен»...

– Голубые цветы, – хмыкнул Муромцев. – Действительно, романтично.

– Да, голубые цветы, – кивнул Иоганн. – В войну там располагались казармы фашистских войск. Кажется, горных стрелков. В горах много голубых цветов... А потом казармы приспособили под свои нужды американцы. Не пропадать же добру... Что касается охраны, то она – стандартная. Правда, в связи с последними событиями охрана могла и усилиться. Сами понимаете...

– Понимаю, – кивнул Богданов.

– В разных местах города, да и за городом, расположе-

но еще несколько американских казарм, – сказал Иоанн. – Впрочем, это совсем небольшие пункты. Основные силы находятся именно в Блаублюмен.

– То есть, – уточнил Богданов, – там находится и командование, и основная часть войск, и пункты слежения и связи?

– Именно так, – подтвердил Иоанн. – Все по военным стандартам.

– Нам нужно знать кратчайший путь к этим «Голубым цветочкам», – сказал Богданов. – Кто-нибудь может показать нам такой путь?

– Пауль, – коротко ответил Иоанн.

– Очень хорошо, – сказал Богданов.

– Вероятно, вам нужен провожатый и до аэродрома? – спросил Иоанн.

– Нет, – ответил Богданов. – Туда мы найдем дорогу сами. А вот... – Он вдруг умолк, будто что-то обдумывая: – А вот если бы вы выделили нам провожатого на ту сторону, это было бы очень даже замечательно.

– Вы имеете в виду Восточную Германию? – уточнил Иоанн.

– Да, – кивнул Богданов. – Ее, родимую... А именно – Восточный Берлин. Причем нам очень желательно попасть туда в самое короткое время и самыми короткими путями. Есть там у нас одно срочное дельце...

– Сколько человек вы хотите переправить в восточную часть? – спросил Иоанн.

– Думаю, двоих, – после короткого размышления ответил Богданов. Заметив, как его подчиненные недоуменно шевельнулись, он повторил: – Да, двоих.

– Насколько я понимаю, вам нужно перебраться на ту сторону без шума и прочих драматических эксцессов? – спросил Иоганн.

– Это наилучший вариант, – сказал Богданов. – Хотя, если понадобится, мы готовы и к эксцессам. А вот когда мы переберемся, очень желательно, чтобы нас на той стороне встретил кто-нибудь из своих. И подсказал нам все пути, входы и выходы. Иначе говоря, это должен быть человек компетентный. И, очень желательно, – понимающий по-русски. Потому что как иначе мы будем с ним общаться? Ну и, само собой, предельно надежный. Потому что дело у нас на той стороне – важнейшее. Что, трудную задачку я вам задал?

– В самый раз, – скупой улыбнулся Иоганн. – Больше того, такая задачка для нас традиционная. Нам уже приходилось ее решать.

– И что, успешно? – спросил Богданов.

– Вполне, – ответил Иоганн. – Во всяком случае, условие задачи всегда сходилось с ответом на нее. Значит, поступим так. Ганс отвезет ваших людей на место. Переходить они будут через контрольно-пропускной пункт «Инвалиденштрассе». Это – в четырех километрах от пункта «Чарли», где как раз и затевается основная заваруха. Пункт, можно сказать, на отшибе, тихий, людей перебирается через него не так много,

а потому охрана не слишком бдительная. В общем, как раз то, что вам надо.

– Кто охраняет переход со стороны Западной Германии? – спросил Еремин. – Американцы?

– Нет, – ответил Иоганн. – Немецкие пограничники. Американцы охраняют лишь два самых важных пропускных пункта. Например, тот же «Чарли». Теперь что касается встречи на той стороне... Прошу мне дать десять минут. Мне нужно кое с кем связаться.

– Хорошо, – кивнул Богданов.

Иоганн вышел. Вслед за ним вышли Ганс и Пауль. Спецназовцы остались одни.

– Ну и вот, – сказал Богданов. – Теперь нам нужно определиться, кто какую боевую задачу будет выполнять. На данный момент таких задач у нас три. Первая задача – вывести из строя системы слежения противника и нарушить связь. Генерал Парамонов сказал правильно: не будет связи – не будет и войны. Вторая задача – блокировать работу аэродрома Темпельхоф. Любыми способами – лишь бы только аэродром не смог принимать самолеты. Прямо хоть рой ямы посреди взлетной полосы! И – удержать аэродром в таком состоянии, пока не прилетят наши истребители. Ну, и задача третья – спасти Вальтера Ульбрихта от похищения американским спецназом, а то, возможно, и от физической ликвидации. Приказывать не хочу. Будем придерживаться наших традиций. Поэтому добровольцы – три шага вперед.

Какое-то время все молчали. И не потому, что кто-то опасался не выполнить приказ. Дело было в другом. Сейчас каждый из спецназовцев раздумывал, где он больше может пригодиться, где от него будет больше пользы – в тылу американских войск, на аэродроме или в Восточном Берлине? Тут ошибиться было нельзя. Здесь требовался точный, холодный расчет и уверенность в своих силах и возможностях.

Молчание прервал новичок спецгруппы «Дон» – Василий Муромцев:

– Думаю, от меня будет больше пользы в расположении американских войск. Я – электрик, связист и специалист по всяким таким делам... – Муромцев сделал неопределенный жест рукой. – Правда, больше в теоретическом плане, чем в практическом, но все равно... Разберусь и с практикой.

– Я тоже так думаю, – согласился Богданов. – Кому же, как не тебе, заняться этим делом? Кроме того, ты знаешь английский язык. А это тоже очень важно. В случае чего можешь сойти за американца. Так что – готовься.

– Это как? – не понял Муромцев.

– Двумя способами, – пояснил Богданов. – Морально и материально.

– В общем, я готов, – спокойно ответил Муромцев. – И так, и этак. Спецоборудованием я запасаюсь, это материальная сторона дела. Что же касается моральной... Сейчас я бы с огромным удовольствием вздремнул – минут этак четыре-ста.

– И что это означает? – глянул на него Дубко.

– Это означает, что я совершенно спокоен, – пояснил Муромцев. – Если бы я волновался, разве мне бы хотелось спать? Это, знаете ли, против человеческой природы...

– Это хорошо, – улыбнулся Богданов. – Конечно, спать тебе не придется, но то, что ты думаешь сейчас о сне, – хороший признак. – Он помолчал и добавил: – Один, конечно, ты туда не пойдешь. Кто-то нужен для прикрытия и подстраховки. Есть желающие?

– Есть, – отозвался Геннадий Рябов. – Думаю, совсем без стрельбы там не обойдется. А коли так, то кто стреляет лучше меня?

– Отлично, – сказал Богданов. – Только вот со снайперской винтовкой тебе идти туда будет несподручно. Во-первых, уж слишком она громоздкая. А во-вторых, стреляет одиночными выстрелами. Там, я думаю, больше пригодится автомат.

– Снайпер – он всегда снайпер, – многозначительно произнес Рябов. – Даже если он стреляет из казацкой пищали. Даже – из рогатки.

– Убедил, – сказал Богданов. – В общем, задача вам ясна. Здесь главное – элемент неожиданности. Вряд ли они подумают, что мы вот так, нахрапом, внаглую... Пока сообразят, дело, глядишь, будет уже сделано. Ну, а когда оно будет сделано, со всех ног мчитесь на аэродром – помогать тем, кто будет его удерживать.

– Со всех ног – это несерьезно, – не согласился Павленко. – На колесах будет лучше.

– Ну, это я выразился так, ради красного словца, – сказал Богданов. – На месте будет виднее, что и как. Теперь задача номер два – Восточный Берлин и спасение товарища Вальтера Ульбрихта. Я так вижу, что на это дело имеются пламенные добровольцы...

– А то как же! – отозвался Степан Терко. – Конечно, имеются! В количестве целых двух боевых единиц! Тем более что ты обещал, что больше двух людей все равно туда не пошлешь. Потому что – откуда им взяться, лишним боевым единицам?

– Правильно думаешь, – согласился Богданов. – Неоткуда им взяться...

– Ну, стало быть, мы готовы, – сказал Рябко и указал на Дмитрия Еремина: – Я и вот он. Как обычно, на пару.

– Никаких возражений, – сказал Богданов. – Вот вдвоем и отправитесь. А если силенок хватать не будет, по ходу дела привлечете на помощь кого-нибудь из сознательных восточногерманских товарищей. Ну, или еще что-нибудь придумаете. По обстоятельствам.

– А то как же! – с готовностью согласился Терко. – Обязательно придумаем и привлечем! Создадим народное ополчение во имя спасения товарища Вальтера Ульбрихта!

В помещении раздались короткие смешки. Это был одобряющий и напутственный смех, именно так. Все прекрас-

но знали, что Степан Терко был балагуром лишь в мирной, так сказать, ситуации, а когда доходило до реального дела, он сразу же становился совсем другим человеком – жестким, точным, сосредоточенным, бесстрашным, умелым. Не сомневался никто и насчет Дмитрия Еремина. Они вдвоем – и Терко, и Еремин – не раз себя проявляли в самых опасных делах, дополняли друг друга, понимали друг друга не то что с полуслова или с полувзгляда, но даже с полувздоха, они были единым целым, организмом, который никогда не давал сбоев. В чем же тут было сомневаться?

– Смех смехом, – сказал Богданов, – но только вы учтите, что похитить или ликвидировать Ульбрихта должна американская спецгруппа. Хорошо обученная, тренированная... А сколько там народу, в той группе, поди узнай. Так что не исключено, что вам придется столкнуться с этой группой лоб в лоб.

– Командир! – в притворном ужасе схватился за голову Терко. – Вот зачем ты сейчас сказал нам такие ужасные слова? Ты их сказал, и мы начали бояться. Я-то еще ничего, а вот он, – Терко указал на Еремина, – сейчас дрожит мелкой дрожью. Бестактный ты человек, командир! Ведь запросто мог бы сказать, что в той американской спецгруппе – сплошь милые барышни! Ну что тебе стоило? Да и нам было бы приятнее!

Опять раздался смех. Это было хорошо, что бойцы, отправляясь на опаснейшее задание, смеялись. Хоть они и бы-

ли спецназовцами, но, прежде всего, они были людьми. Людям свойственно бояться, когда они отправляются на опасное и трудное дело, из которого, если разобраться и вникнуть, почти невозможно вернуться живым. А смех – он притупляет страх, он вселяет в людей уверенность и спокойствие. Так человек устроен. Таков он есть всегда – даже если он наипервейший спецназовец и супермен.

– Остаются Павленко, Дубко и я, – переждав смех, сказал Богданов. – На нашу долю выпал аэродром. Что ж... Сейчас должны вернуться наши гостеприимные хозяева, и, пожалуй, будем седлать коней.

Действительно, вскоре вернулись Иоганн, Ганс и Пауль. Спецназовцы замолчали и стали смотреть на разведчиков – что они скажут. От их слов во многом зависели ход дальнейшей операции и в конечном счете судьбы самих спецназовцев.

– Все в порядке, – сказал Иоганн. – Я имею в виду, переход на ту сторону. Переходить, разумеется, лучше ночью. То есть немедленно.

– Это понятно, – кивнул Богданов.

– Ганс готов отвезти ваших людей к контрольно-пропускному пункту «Инвалиденштрассе», – сказал Иоганн. – У нас есть машина.

– Как долго туда добираться? – спросил Богданов.

– На машине – совсем недолго, – ответил Ганс. – Максимум – полчаса.

– Хорошо, – сказал Богданов и взглянул на Терко и Еремина. – Вы готовы?

– Давно готовы, – ответил Терко, Еремин лишь молча кивнул.

– Ну, тогда по коням, – сказал Богданов.

Никаких особых инструкций Богданов своим подчиненным никогда не давал, да в этом и не было надобности. Каждый и без того знал, что ему делать, потому что каждый из них был профессионалом своего дела. Да и потом – какие тут могли быть инструкции? Кто мог знать, как сложатся обстоятельства в том или ином случае? Вот и сейчас – что мог сказать Богданов Степану Терко и Дмитрию Еремину, даже если бы и хотел? Как им перебираться на другую сторону? Как сложатся дела в Восточном Берлине? Как им уберечь Вальтера Ульбрихта? Как им действовать, если они столкнутся с группой американского спецназа? Как им уцелеть самим? А кто все это может знать? Никто не мог этого знать, потому что уж слишком много было вопросов и – ни одного на них ответа. Потому и в инструкциях не было смысла.

Каких-то особых прощальных слов и прощальных ритуалов в спецгруппе «Дон» не было. Да и к чему они? И без них все было предельно понятно. Твой товарищ отправляется выполнять опасное задание. Он должен его выполнить и, по возможности, вернуться живым. Они – спецназ. Это – их работа. Вот и все. А потому – к чему слова, жесты, взгляды и прочая драматургия?

Правда, неугомонный и неунывающий Степан Терко нет-нет да и нарушал это само по себе установившееся мужское правило – не говорить прощальных слов и не производить прощальных жестов. Нарушил он его и на этот раз.

– Пользуясь случаем, – сказал он, – приглашаю вас всех на мою свадьбу. О дате и месте этого торжественного события я подробнее сообщу, когда вернусь.

– Свадьбу? Какую еще свадьбу? С кем? Что, опять? – раздались веселые голоса товарищей.

– Не «что, опять», а раз и навсегда! – укоризненно поправил Степан. – Женюсь самым серьезным образом! Помните ту дамочку в Белграде? Ну, такая беленькая... Вот на ней и женюсь. Как честный человек, я просто обязан это сделать. Ну, чего вы скалите зубы? Это совсем не то, что вы подумали по своему скудоумию. А просто – она сама меня об этом попросила. Жить, говорит, без тебя не смогу! Влюбилась, говорит, в тебя с первого взгляда! Ну, это и понятно: в меня да не влюбиться! Так что, говорит, возвращайся обратно и тут же на мне женись! Иначе жизни себя лишу! Ну, и рассудите – куда мне было деваться при таком развитии событий? Я и пообещал... Так что – приглашаю всех без исключения. Кстати, и вас тоже, – взглянул он на Иоганна, Ганса и Пауля. – Как хотите, а будьте добры быть! Ползком через кордон в женских нарядах, загримированные под индейцев – это вам виднее. Но – будьте, понятно вам? Иначе нанесете мне кровную обиду.

– От такого предложения трудно отказаться, – произнес Иоганн с улыбкой.

– Вот и договорились! – улыбнулся Степан Терко в ответ и шагнул за порог. Вместе с ним вышли Еремин и Ганс.

– Дальше у нас на повестке дня – американская военная база «Голубые цветочки», или как там она правильно именуется, – сказал Богданов.

– Да, база... – потряс головой Иоганн. Похоже, он все еще пребывал под впечатлением прощальной речи Степана Терко. – База... Как я и обещал, ваших людей довезет туда Пауль. Там он их высадит, ну а дальше – вы уж сами.

– Готовы? – спросил Богданов у Рябова и Муромцева.

– Так точно, – ответил за двоих Рябов.

– Ступайте за мной, – сказал Пауль.

– Присматривай за ним хорошенько! – шепнул Богданов Рябову. – Все-таки это его первое серьезное дело.

– Присмотрю, – сказал Рябов и шагнул в ночную темень вслед за Муромцевым и Паулем.

– Ну и нам пора, – сказал Богданов, обращаясь к Иоганну. – Благодарим за содействие и извиняемся за беспокойство.

– Мы должны вас ждать обратно? – спросил Иоганн.

– А вот этого я вам не скажу, – развел руками Богданов. – Потому что не знаю.

– Понятно, – кивнул Иоганн.

– Но на всякий случай – ждите, – сказал Богданов. – И

– будьте готовы переправить нас дальше. Хотя куда именно, как скоро и в каком количестве – этого, опять же, я вам сказать не могу.

– Понятно, – повторил Иоганн, помолчал и добавил: – Успеха вам.

– Вам – тоже, – сказал Богданов. – Одно дело делаем.

Глава 6

Совсем близко к американской военной базе «Голубые цветы» Пауль подъезжать не стал. Он остановился за несколько кварталов и заглушил мотор.

– Вам – туда, – указал он Муромцеву и Рябову. – Это недалеко. Извините, что не подвез вас ближе. Не хотелось бы, чтобы на мою машину кто-то обратил слишком пристальное внимание. Ваши подвиги на базе, какими бы они ни были, могут логически связать с машиной, а через нее могут выйти и на нас.

– Мы понимаем, – сказал Муромцев.

– Тогда – удачи, – пожелал Пауль.

– Да и вам она не помешает, – заметил Рябов, выбираясь из автомобиля.

– О да! – согласился Пауль, заводя мотор.

Машина развернулась, и скоро ее не стало видно. Какое-то время Рябов и Муромцев стояли и молча смотрели в темноту.

– И что будем делать дальше? – спросил Муромцев.

– Мыслью так, – сказал Рябов. – Подойдем к базе поближе, посмотримся, что к чему. А затем будем думать, как на нее проникнуть.

База «Голубые цветы» располагалась на городской окраине. Правда, между нею и крайними городскими зданиями

было пространство шириной метров восемьсот, а то и целый километр. Несмотря на темноту, база хорошо была видна издалека. Где-то над землей (наверное, на стенах или на крыше) парили широкие полосы прожекторов. Кроме них светились еще какие-то огни, назначение которых издалека было определить сложно. От города к базе вела асфальтированная дорога, смутно различимая в темноте.

– Чтобы проникнуть на базу, есть два способа, – в раздумье произнес Рябов. – Способ первый – это окольный путь. Перелезть через стену, влезть в окно и так далее. Но только это – дело долгое. Пока обойдешь базу, пока найдешь этот путь... А нам все нужно сделать до рассвета. В темноте оно сподручнее.

– Понятное дело, – согласился Муромцев.

– И потом, – продолжал развивать свою мысль Рябов. – А вдруг нас кто-нибудь заметит из господ бывших союзников? А что это, спросят, вы тут околачиваетесь? Зачем лазите по стенам? И – погорели мы с тобой...

– Значит, пойдем другим путем, – улыбнулся в темноте Муромцев. – То есть внаглую, через главные ворота. А куда деваться?

– Так-то оно так, – в раздумье проговорил Рябов. – Да вот только – опасное это дело! Тут надо как следует все обдумать!

– Теоретически рассуждая, наше с тобой дело не то что опасное, а прямо-таки безнадежное! – беспечно махнул ру-

кой Муромцев. – Нас двое, а их – как муравьев в муравейнике. Так что тут думай – не думай...

– Это, конечно, так, – согласился Рябов. – Но все же хоть какой-нибудь завалящий планчик у тебя имеется?

– Завалящий имеется, – сказал Муромцев. – Предлагаю поступить так. Выходим из нашего укрытия и топаем по этой самой дороге прямо к центральным воротам. Не скрываясь, не таясь... При этом я громко буду рассказывать тебе любовную историю на английском языке. Не забывай, я знаю английский язык. Говорят, у меня ярко выраженный техасский акцент. Что ж, тем лучше... Я, значит, рассказываю тебе любовную историю, а ты изредка похохатываешь.

– А вдруг я захохочу невпопад? – засомневался Рябов.

– Об этом не беспокойся, – сказал Рябов. – Я буду рассказывать тебе пикантную историю о том, как я в Техасе соблазнил одну милую особу по имени Сьюзи. Со всеми подробностями. Так что можешь хохотать, сколько хочешь. В любом месте моего рассказа. А рассказывать я ее буду громко, чтобы было слышно издалека. Чтобы те, кто на вахте, смогли хорошенько убедиться, что мы – веселые и беспечные американские парни.

– Затем мы подходим к проходной, или как там это дело у них называется... – продолжил мысль Рябов.

– ...и я продолжаю рассказывать тебе историю про милашку Сьюзи... – сказал Муромцев. – Ты – продолжаешь ахать, охать и хохотать...

— А дальше — как получится, — закончил мысль Рябов. — В общем, сплошная импровизация.

— Вот именно, — согласился Муромцев. — Кто может подумать, что мы — чужие? Разве какие-нибудь диверсанты станут проникать на охраняемую базу таким идиотским способом? Глядишь, нас и пропустят...

— Но если они все же засомневаются... — предположил Рябов.

— ...то наши шпаги при нас! — дополнил Муромцев. — Ну что, пошли?

* * *

...— И тогда я ей говорю... — громко, так что было слышно почти за километр, рассказывал Муромцев на английском языке. — Сюзи, крошка, говорю я ей, если уж мы с тобой сговорились, если оказались в этом сарае, то твое дальнейшее сопротивление бесполезно! Да! Да и смысла, говорю, в твоём «не знаю» и «что скажет мама» нет никакого. Зачем нам что-то говорить твоей маме? Это — дело между нами...

— О-хо-хо! — во весь голос хохотал Рябов. — Ха-ха-ха!

— Ну и вот, — продолжал Муромцев. — Тогда она мне и говорит: отвернись, мол, а то я тебя стесняюсь! Джек, старина, ты представляешь ситуацию? Она меня стесняется! Тогда я ей и говорю...

Подошли к посту на входе. Навстречу им поднялся часо-

вой и с глуповатой улыбкой стал слушать рассказ Муромцева. Муромцев же продолжал как ни в чем не бывало:

– Тогда, значит, я ей и говорю... Крошка, говорю, поздно бояться! Бояться, говорю, надо было раньше. А сейчас, говорю, чем ты будешь смелее, тем лучше. А она и спрашивает: а кому, мол, будет лучше? Ну что за вопрос? Джек, старина, вот как бы ты ответил на такой вопрос?

– О-хо-хо!.. – во все горло расхохотался Рябов.

– Вот и я сказал ей то же самое... Тебе же, говорю, и будет лучше. А заодно и мне. Ну, тогда она стала снимать с себя юбку... А что это ты на меня так уставился? – Этот вопрос предназначался уже часовому. – И вообще – почему это ты сейчас на посту, а не Майк? Ведь должен быть Майк...

– Майк меня будет менять, – лениво ответил часовой. – Через два с половиной часа.

– Значит, я перепутал, – беспечно произнес Муромцев. – Давай-ка пропускай нас.

– Где это вы шатались так долго? – спросил часовой.

– Тебе скажи, так и тебе туда захочется! – Муромцев старался, чтобы его голос звучал как можно веселее. – Туда, старина, пропускают только избранных. С твоей рожей тебя туда не пропустят ни при каком раскладе.

– А может, мне туда и не нужно! – беззлобно проворчал часовой, снимая цепочку с турникета.

– А тогда и не задавай глупых вопросов, – таким же беззлым тоном посоветовал Муромцев. – Передавай привет

Майку. Я должен ему бутылку виски, так ты скажи, что я это помню.

Цепочка с турникета была снята, и можно было проходить. Муромцев и Рябов шагнули через турникет.

– С Техаса, что ли? – настиг их голос часового.

– А что, заметно? – с усмешкой посмотрел на него Муромцев.

– Не так заметно, как слышно! – сказал часовой и рассмеялся, довольный своей шуткой. – Говоришь так, будто ты с какого-нибудь самого отдаленного ранчо. Где-нибудь рядом с мексиканской границей. Только там сейчас так говорят. Я слышал...

– Ну, так я и есть оттуда, – сказал Муромцев. – Ранчо «Сломанная подкова». Может, слышал?

– Нет, – покачал головой часовой.

– А ранчо «Дохлая лошадь»? – спросил Муромцев. – Это рядом, всего полдня езды... Что, тоже не слышал?

– Нет, – ответил часовой.

– Да и ладно! – махнул рукой Муромцев. – Ну, значит, сняла она с себя юбку... – последние слова предназначались уже для Рябова.

– О-хо-хо! – поддержал его Рябов.

– Кажется, прорвались! – выдохнул Муромцев на русском языке. – А ведь сработал наш метод! Кто бы мог подумать!

– Нахальство – второе счастье, как говаривал мой дед Прокопий, – сказал Рябов. – Похоже, что так оно и есть. В

нашем случае – так уж точно. Теперь нам надо укрыться среди каких-нибудь кустиков – и доставай свою аппаратуру. А я буду наблюдать в четыре глаза.

Они свернули с безлюдной асфальтированной дорожки и притаились за штабелем аккуратно сложенного кирпича. Место было вполне надежное. С дорожки их видно не было, сзади них темнели густые кусты – следовательно, Муромцева с Рябовым не было видно и с той стороны. К тому же была ночь, на небе не просматривалось ни единого просвета, редкие электрические фонари также находились далеко – в общем, место было вполне подходящим.

Муромцев торопливо стал доставать аппаратуру из-под одежды. Рябов, держа автомат на изготовку, внимательно всматривался в темноту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.